

Историческая политика в современном Китае: конструируя прошлое, воображая будущее

Хубриков Бадма Олегович, Бурятский государственный университет,
Улан-Удэ, Россия

Контактный адрес: khubrikovbadma@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются динамика исторической политики КНР на современном этапе и перспективы ее развития. Предпринята попытка выявить две ключевые составляющие исторической политики КНР, определяющие рамки памятования в Китае. Опорными точками исследования стали китайские трактовки того, что следует забыть или переформатировать, а также политика китайского руководства по воображению будущего. Статья базируется на принятом 6-м пленумом ЦК КПК 19-го созыва «Решении по основным достижениям и опыту столетней борьбы партии», а также сборниках публичных выступлений Си Цзиньпина.

в теоретическом плане автор опирается на исследования исторической политики А. Ассман, А.И. Миллера, Э. Вольфрума, О.Ю. Малиновой. Показан процесс становления КПК в качестве единственного мнемонического актора, пишущего свою историю. В первой части статьи рассмотрены формы «забвения», за которыми стоят самые разные стратегии, методы и действия. Во второй части проанализирован нарратив строительства будущего, выраженный в концепциях «сяокан» (общество малого благоденствия) и «ускоренное продвижение социалистической модернизации», обозначенных в партийных документах как цель «двух столетий». В процессе исследования было выявлено, что в интересах КПК, возглавляемой Си Цзиньпином, представить историю КНР, в которой события прошлого предвосхищают победоносное шествие КПК в истории Китая, телеологически. Именно по этой причине основными инструментами исторической политики КНР становятся различные техники забвения: переписывание, стирание, умолчание. Однако параллельно с исторической политикой, направленной в прошлое, китайское руководство работает и над образами воображаемого будущего. Таким образом, главной целью исторической политики Китая на современном этапе становится конструирование единого, монолитного, гомогенного рассказа о прошлом, настоящем и будущем КНР, в котором нет места разночтениям, критике и историческому нигилизму.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

КПК, Си Цзиньпин, историческая политика, политика будущего, забвение, сяокан

В Китае формируется мемориальная культура¹, основанная на целенаправленном процессе селекции, рефлексии и пересборки памяти об исторических событиях. В отличие от европейского опыта Холокоста, занимающего центральное место в актуальной общеевропейской памяти² как событие, о котором нельзя забыть, китайская историческая политика имеет под собой совершенно другое основание. На первом плане находится Коммунистическая партия Китая (КПК), задающая социальные и политические рамки памятования: что следует помнить, забыть или переформатировать.

Столкнувшись с кризисом идентичности и поиском дальнейшего пути развития (об этом свидетельствуют жесточайшие споры о наследии Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина³ и закреплении праздника 3 сентября как основополагающего мифа Китая⁴), КПК во главе с Си Цзиньпином пытается заново пересобрать нарратив славного прошлого и будущего КНР. Конструирование общеитайской идентичности, легитимация существующего политического режима, а также устремленность в будущее как закрепление договора между народом и партией – функции, которые выполняет историческая политика в современном Китае.

Выбор термина «историческая политика» обусловлен исследовательской рамкой в области *memory studies*, в которой «историческая политика» рассматривается как «спускаемая сверху директивность, характеризующаяся “инструментализацией памяти», а если быть точнее, то специфическими злоупотреблениями воспоминаний»⁵. А. Ассман, анализируя историческую политику, приходит к выводу, что ее целью является анализ вопросов «организации, финансирования, управления, бюрократии и, прежде всего, процессов принятия политических решений»⁶. А.И. Миллер рассматривает историческую политику как «особую конфигурацию методов, предполагающих использование государственных, административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты»⁷, определяя историческую политику как феномен сугубо политический, который должен изучаться как неотъемлемая часть политики. Э. Вольфрум, анализируя концепт «исторической политики», дает ей определение как арены исключительно политической, в рамках которой различные акторы извлекают политические выгоды. С его точки зрения, «историческая политика» использует историю и историографию как инструмент влияния на современные политические процессы: «Конфликты внутри поля исторической политики могут рассматриваться как утверждение и обновление специфических ценностных моделей, паттернов поведения и системы убеждений, которые, если рассматривать их в долгосрочной перспективе, фреймируют и изменяют политическую культуру»⁸. О.Ю. Малинова предлагает свою модель анализа, в рамках которой все три понятия – историческая политика, политика памяти и политическое использование прошлого – рассматриваются как проявления символи-

1 Ассман 2014.

2 Ibid.

3 Ломанов, Борох 2009, 68.

4 Хубриков 2020, 74.

5 Ассман 2014, 301.

6 Ibid., 300.

7 Миллер 2012, 19.

8 Wolfrum 1999, 29.

ческой политики, направленной на «производство различных способов интерпретации социальной реальности и борьбу за их доминирование в публичном пространстве»¹.

Говоря о конкретных исследованиях «исторической политики» в КНР, следует отметить работы О.Н. Борох и А.В. Ломанова об исторической памяти в КНР²; О.Х. Шелла, проанализировавшего масштабы переписывания и цензурирования официальной истории КНР³; Чжэн Вана – о «веке унижений» и его влиянии на современную политику КНР⁴; М.А. Маттена – о взаимосвязи исторической памяти и идентичности «китайского мира», представленного Китаем, Тайванем и Гонконгом⁵; К.А. Дентона об исторической памяти и политике музеев в «постсоциалистическом Китае»⁶; Бинь Сю – о памяти поколения «культурной революции», отправленного в деревню, конструировании китайскими властями нарратива «правильного» отношения к высылке в сельскую местность и включении этой истории в нарратив «китайской мечты»⁷; Чжоу Хайянь – о политике контроля над историей со стороны КПК⁸.

Цель и структура статьи предопределены необходимостью поиска ответа на актуальный вопрос о саморепрезентации китайским обществом своего прошлого и будущего, о конструировании китайскими властями исторической политики, задающей рамку взаимодействия и отношений между обществом и его историей. В настоящем исследовании автор пытается выделить два направления исторической политики КНР: сконструировать прошлое и создать образы будущего. На наш взгляд, в современной исторической политике Китая четко прослеживается практика использования нарративов забвения воспоминаний в процессе комплексной оценки событий и процессов в истории Китая с целью переформатирования коллективной памяти о прошлом для легитимации существующего режима в условиях общества средней зажиточности «сяокан», в будущем – общества «всеобщей зажиточности», или «фуюй».

В основу эмпирической базы исследования легли публичные выступления Си Цзиньпина, отсылающие к тем или иным событиям прошлого, основополагающие партийные документы, в том числе «Решение по основным достижениям и опыту столетней борьбы партии» 6-го пленума ЦК КПК XIX-го созыва.

Конструируя прошлое

По мнению А. Ассман, «не памятование, а забвение является основным модусом жизни человека и общества»⁹. В истории XX в. с его кровопролитиями, гражданскими и мировыми войнами практически ничего невозможно забыть, отчего был сформулирован совершенно незнакомый ранним периодам истории

1 Малинова 2012, 179–180.

2 Ломанов, Борох 2009.

3 Schell 2018.

4 Zheng 2014.

5 Matten 2012.

6 Denton 2014.

7 Bin 2021.

8 Zhou 2013.

9 Ассман 2019, 28

императив – «долг помнить»¹. Одновременно с этим, А. Ассман вводит понятие «техник забвения», важные для настоящего исследования, разбивая их на 9 категорий: стирание, прикрытие, сокрытие, умолчание, переписывание, игнорирование, нейтрализация, отрицание, утрата². Все вышеназванные техники являются практиками забвения и в современном Китае, приобретают все более масштабный характер, превращая современную историю Китая в огромное пространство забвения, которое при определенных условиях может вернуться из архива памяти для решения политических задач, легитимации принятия решений или выстраивания новой исторической политики.

Поскольку историческая политика в Китае призвана быть инструментом консолидации нации и выстраивания идентичности, основанной на идее Си Цзиньпина о «великом возрождении китайской нации», небесполезным было бы опереться в исследовании темы на речь Э. Ренана «Что такое нация?». В своей программной речи он выдвинул тезис о конститутивном значении забвения для конструирования национальной памяти: «Забвение, или, лучше сказать, историческое заблуждение является одним из главных факторов создания нации... Ни один француз не знает, кто он: бургунд, алан или вестгот; всякий гражданин Франции должен забыть Варфоломеевскую ночь...»³. Руководство КНР, создавая цельную историю Китая посредством СМИ и системы образования, преследует задачу конструирования единого, гомогенного повествования, в решения которой из официальной историографии вымываются или замалчиваются альтернативные взгляды на историю Китая или правящей партии.

Другим аспектом исследования исторической политики КНР является анализ искаженных форм забвения, предложенный П. Рикером. Поскольку мы говорим об идеологизации, политизации и превращении истории прошлого, настоящего и будущего Китая в набор слов-лозунгов таких как «великое возрождение китайской нации», «китайская мечта», «сяокан» и т.д., оформляемый в виде официальной истории, «историю всегда можно рассказать по-другому, о чем-то умалчивая, смещая акценты, различными способами рефигурируя участников действия, как и контуры самого действия»⁴. С точки зрения П. Рикера, забвение обладает амбивалентной природой: с одной стороны, в китайском случае КПК присваивает монопольное право рассказывать историю, стирая или заменяя личные нарративы «разрешенной, навязанной, прославляемой в мемориальных церемониях историей»⁵. С другой стороны, П. Рикер описывает забвение как «полупассивную, полуактивную форму поведения людей, где мотивом является смутное желание не получать сведений, стремление не знать»⁶, обусловленное стремлением не подрывать в собственном сознании ясную картину мира и являющееся, по выражению Рикера, тайным сообщником акторов забвения.

1 Ibid., 11.

2 Ibid., 19–24.

3 Ренан 1902, 101–102.

4 Рикер 2004, 619–620.

5 Ibid.

6 Ibid.

Си Цзиньпин и память о «Культурной революции»

Обращаясь к истории Китая, мы видим, как память о политике «Большого скачка» и «Культурной революции» поддается обработке и зачистке, выносятся за скобки официальной трактовки событий. Одним из ярких образов переписывания истории и официального дискурса по отношению к данным событиям является история жизни председателя КНР Си Цзиньпина. В самый разгар «Культурной революции» Си Цзиньпин был сослан в глухую деревню Лянцзяхэ, в родную для его семьи провинцию Шэньси, ставшую впоследствии местом поклонения и объектом «красного туризма» в КНР. Однако сама история Си показывает, как нужно относиться к наследию «Культурной революции», интерпретируя ее в духе советского романа Н. Островского «Как закалялась сталь». В своих личных воспоминаниях Си Цзиньпин так вспоминает свою юность: «В конце 1960-х гг. я, совсем юный, отправился из Пекина в город Яньань провинции Шэньси, затем поселился в производственной бригаде в небольшой деревне Лянцзяхэ, чтобы заниматься крестьянским трудом, и провел там 7 лет... Позже я стал секретарем партийной ячейки этой деревни... Я очень ждал, когда я смогу накормить односельчан мясом досыта»¹. В 2015 г. Си Цзиньпин на праздник Весны вернулся в эту деревню и связал годы своей юности с реализацией «китайской мечты», включив годы «Культурной революции» в нарратив «великого возрождения китайской нации» и «китайской мечты»: «В этом году (2015 г.) я вернулся в эту деревню. В Лянцзяхэ проложили асфальтированную дорогу, провели Интернет, дети могут получить хорошее образование и, естественно, вдоволь есть мясо, это уже не проблема. Все это позволило мне глубже осознать, что китайская мечта – это мечта народа, и мы добьемся успехов на пути к прекрасной жизни только вместе с народом Китая»². Таким образом, «Культурная революция» преподносится как момент проверки на прочность и верность коммунистическим идеалам. Такая интерпретация согласуется с официальной риторикой преемственности политики Мао и Дэна и признания заслуг Мао Цзэдуна первостепенными, поскольку жесткая критика «Культурной революции» и «Большого скачка» может повлечь за собой необратимые процессы переосмысления исторического значения Мао и подрыв легитимности КПК.

Конструирование нарратива преемственности

Эпоха, отсчет которой начинается с 2012 г., озаменована приходом к власти так называемого пятого поколения руководителей – функционеров 1950-х гг. рождения во главе с Си Цзиньпином, период детства, отрочества и юности которых пришлись на годы «Культурной революции». Традиция плавной передачи власти от одного поколения к другому была основана «главным архитектором» китайского экономического чуда Дэн Сяопином. Эта система ориентирована на преемственность поколений и политического курса, она позволяет избежать ожесточенной борьбы за власть, опасность чего Дэн, будучи жертвой репрессий,

1 История из уст Си Цзиньпина 2019, 371.

2 Ibid.

прекрасно понимал. В историографии КПК принято считать Мао Цзэдуна «ядром» первого поколения руководителей, Дэн Сяопина – второго, Цзян Цзэминя – третьего. Ху Цзиньтао, хоть и считается представителем четвертого поколения руководителей, однако не получил статуса «ядра», в то время как пришедший ему на смену Си Цзиньпин закрепил за собой главенствующее положение, получив данный статус¹.

Власть, символом и источником которой в прошлом была фигура императора, получила свое воплощение в образе руководителя КНР, выполняющего роль отца всей китайской нации. Мао Цзэдун, повторяя путь великих императоров – самодержцев древнего Китая, возрождает и собирает по крупицам свод «храма китайского государства», освобождая страну от разрушительной гражданской войны, иностранных захватчиков, мятежей и бунтов. Дэн Сяопин повел страну под лозунгом экономического развития, «политики реформ и открытости». Цзян Цзэминь продолжил политику Дэн Сяопина, выдвинув концепцию «всестороннего строительства среднезажиточного общества и ускорения социалистической модернизации в интересах превращения социалистического Китая в развитую могучую страну». Также важными теоретическими достижениями Цзян Цзэминя можно назвать концепцию «тройного представительства», превратившую КПК в партию, представляющую интересы широких слоев населения. Важным теоретическим дополнением «четвертого поколения руководителей» во главе с Ху Цзиньтао стала концепция «гармоничного общества». «Гармоничное общество» – это общество, обеспечивающее справедливость и равенство, возможность общего доступа к благам и гармоничное сосуществование, согласование интересов.

Каждый новый руководитель КНР с приходом к власти провозглашал новую идею, служившую компасом, ориентиром, становившуюся лозунгом правления, в то же время продолжая дело предыдущих лидеров КНР. Си Цзиньпин не стал исключением: девизом правления Си стала идея о «китайской мечте» и о «великом возрождении китайской нации». Однако сама идея преемственности власти, традиции перечислять «поколения руководителей» является конструируемой – продуктом официальной пропаганды и историографии КНР и КПК. Так, по мнению исследователя Е.Н. Румянцев, в уже описанную схему «поколений руководителей» не включаются Хуа Гофэн, Ху Яобан, Чжао Цзыян². Система, при которой передача власти осуществляется по поколениям, представляется созданной исключительно для решения политических целей. Си, взяв на вооружение риторику Мао, продолжает политику «великого кормчего», ставит задачу достижения Китаем статуса политического, экономического и культурного центра мира.

Мао и Тяньаньмэнь

1 октября 2019 г. было торжественно отмечено 70-летие со дня образования КНР. Именно в этот день должен был пройти парад, посвященный победе КНР над японскими милитаристами. Си Цзиньпин на параде, посвященном 70-летию

1 Габуев, А.Т., Денисов, И.Е. Выше Мао: зачем Си Цзиньпин переписывает историю Компартии Китая // Московский центр Карнеги. 25 ноября 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/85863>. (дата обращения: 31.08.2022).

2 Румянцев 2017, 49.

образования КНР, въехал на площадь Тяньаньмэнь в «одежде Сунь Ятсена», которую также любил носить Мао Цзэдун. Так, лидер пятого поколения руководителей отдал долг памяти «отцу китайской нации» Мао Цзэдуну. В современной трактовке, зиждущейся на словах Дэн Сяопина о наследии Мао как основателя партии и государства, о положительной оценке его деятельности и признании его ошибок второстепенными, главным акцентом является преемственность от Мао к Дэну и недопустимость критиковать и отрицать политику Мао с высот политики «реформ и открытости» Дэна и наоборот. Таким образом, отрицанием политики того или иного руководителя, по мнению современного китайского истеблишмента, ставится под сомнение: во-первых, правильность исторического пути, пройденного Китаем в XX в. и, во-вторых, легитимность Коммунистической партии Китая.

Совершенно иное значение для Китая имеют события на площади Тяньаньмэнь. Если для западных историков и СМИ они являются центральными в новейшей истории Китая как события, которые могли повернуть Китай на демократические рельсы, то официальные власти КНР предпочитают замалчивать и пресекать какие-либо разговоры или даже попытки осмыслить события «китайской весны». По официальным заявлениям можно прийти к выводу, что для китайских элит того времени было очень важным дальнейшее продвижение «политики реформ и открытости» при сохранении господствующего положения КПК, поэтому любые уступки недовольным студентам были недопустимы. Тяньаньмэнь это момент истины скорее для партии, чем для общества, поэтому любые упоминания о тех событиях выжигаются каленым железом не только в СМИ, но и в китайском сегменте Интернета¹.

Одновременно с коллективной амнезией, связанной с Тяньаньмэнь, происходит и переписывание официальной генеалогии руководителей КНР. Память о Хуа Гофэне как представителе крайних левых, о приверженце политики Мао Цзэдуна, «политики двух абсолютов», так и альтернативная официальная память, связанная с именами Ху Яобана и Чжао Цзыяна, которых можно назвать приверженцами постепенных политических реформ, вымывается из всех официальных документов и ритуалов². Новая историческая политика Си Цзиньпина основывается на центристских позициях, в рамках которых недопустимы «исторический нигилизм», подрывающий единый, непрерывный путь КНР под красными флагами, и дебаты внутри партии с позиций как крайне левых, эгалитаристских, так и крайне правых.

Конструирование будущего

«Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до Китая марксизм-ленинизм»³. Одновременно с залпами революция в России принесла в Китай идею прогресса и веры в построение светлого будущего. На современном эта-

1 Зуенко, И.Ю. До и после Тяньаньмэня: как события в СССР повлияли на Китай // Московский центр Карнеги. 17 июня 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/79318>. (дата обращения: 31.08.2022).

2 Румянцев 2017, 49.

3 Полный текст «Решения по основным достижениям и опыту столетней борьбы партии» // Синьхуа новости. 16 ноября 2021. [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/2021-11/16/c_1310314781.htm. (дата обращения: 13.01.2021).

пе, по аналогии с третьей программой КПСС, Си Цзиньпин предложил собственное визионерское представление о будущем Китая через концепцию цели «двух столетий». Как третья программа КПСС, так и концепция китайского «будущего» поддерживаются и космической программой как манифестация поступательно-го движения вперед, силы человеческого духа, победы над силами природы, ставя творческую природу человека в центр Вселенной.

Концепция строительства общества среднего достатка (сяокан), выдвинутая Дэн Сяопином, а затем переработанная и включенная в программу Си Цзиньпина, задает горизонт ожидания как смелого прыжка в будущее, является прагматичным способом легитимации власти партии на всем ее историческом пути. в важнейшем документе для изучения исторической политики КНР, «Решении по основным достижениям и опыту столетней борьбы партии», история Китая с конца XIX в. до современности представлена телеологически – все события подготавливают победоносное шествие КПК.

Для анализа «политики будущего» мы воспользуемся термином «перспективная память», предложенным К. Тененбойм-Вайнблатт. Перспективная память, в ее предоставлении, относится к коллективному воспоминанию того, что еще должно быть сделано, которое отталкивается от обещаний и обязательств настоящего и прошлого¹. Предлагая свою модель видения коллективных воспоминаний, исследовательница обращает внимание на работу памяти в контексте медиа², что важно для нашего случая. Китайские руководители, проводя политику будущего, актуализируют ее через различные медиасредства: только в публичных выступлениях и статьях Си Цзиньпина «концепция сяокан» упоминается более двухсот раз³, в новогодних выступлениях Си, в официальных документах КПК, в лозунгах и названиях компаний со словом «сяокан»⁴. Существует целая управленческая инженерия по внедрению идеи построения будущего сейчас, в рамках которой Китай уже достиг горизонта ожидания (в 2020 г. было объявлено, что желаемая первая цель «двух столетий», а именно построение общества «малого благоденствия» сяокан была достигнута) и одновременно его подготавливает (сейчас Китай находится на стадии реализации второй столетней цели, на этапе строительства общества «всеобщей зажиточности» фуюй).

В 2013 г. Си Цзиньпин выдвинул концепцию «китайской мечты» во время посещения выставки «Путь к возрождению» в национальном музее Китая, цель которой – положить конец «виктимизации» китайского народа⁵. По мнению автора, «китайская мечта» берет свое начало в трех народных принципах Сунь Ятсена: гражданского национализма (великое возрождение китайской нации), народовластия (социализм с китайской спецификой) и народного благоденствия. Си Цзиньпин также выделил основные этапы достижения «китайской мечты», апеллируя к задачам «двух столетий», юбилейных дат создания КПК и КНР, 1921 г. и 1949 г. соответственно, тем самым скрепляя прошлое и будущее «социализма с китайской спецификой». К 2021 г., к 100-летию юбилею КПК, «неизбежно

1 Tenenboim-Weinblatt 2013, 3–4.

2 Ibid.

3 Ключевые слова Си Цзиньпина 2021, 86.

4 Войцехович 2018, 38.

5 Ключевые слова Си Цзиньпина 2021, 17.

будет осуществлена задача создания общества средней зажиточности (*сяокан*). Ко времени столетия КНР, к 2049 г. будет выполнена задача по созданию богатого и могущественного, демократического и цивилизованного, гармоничного и современного социалистического государства. Мечта о великом возрождении китайской нации непременно осуществится»¹.

В представлении Си, историческая политика включает в себя не просто линейное видение времени (время мечты), конструирование образа рубежа, к которому стремится китайский социум, но и пространство «мечты», наполняя образ будущего представлениями архетипичными для китайского сознания. В китайском сознании, глубоко историчном, существует три основных условия, при которых возможно достижение общества «малого благоденствия» (*сяокан*)²: во-первых, население должно быть готовым интернализировать ценности сформулированной идеи, в данном случае «общества малого благоденствия» в эпоху социализма с китайской спецификой; во-вторых, за идеей должен стоять император, наделенный «небесным мандатом», способный претворить постулируемые цели в жизнь и сконструировать образ будущего Китая (Си Цзиньпин); в-третьих, легитимность правящей элиты, широкая поддержка населением этих преобразований. Пространство будущего наполняется и конкретными мерами, направленными на улучшение качества жизни во всех ее проявлениях и сферах: улучшение качества медицинских и образовательных услуг, сокращение экономического разрыва между городом и деревней, между богатыми прибрежными провинциями и отстающей экономически западной частью страны, решение проблем пенсионного обеспечения и экологических проблем. Историческая политика КНР не только ретроспективно учитывает ошибки и успехи прошлого, в ней также присутствует устремленность в будущее, в котором есть черты узнаваемого прошлого. Через концепт *сяокан* сконструированный образ «китайской мечты» становится понятным, легко узнаваемым. Отталкиваясь от опыта прошлого и настоящего, «китайская мечта» населяет будущее Китая конкретными идеалами, архетипами, представлениями о том, что такое общество *сяокан*.

Заключение

Историческая политика КНР начала формироваться и наполняться новым содержанием с приходом к власти Си Цзиньпина, сопровождавшимся фракционной борьбой, кульминацией которой стал арест левого популиста Бо Силая. В условиях снижения темпов роста экономики, возросшей коррупции, расслоения населения Си Цзиньпин выдвинул концепцию «китайской мечты о великом возрождении китайской нации».

Основной целью новой исторической политики Си Цзиньпина является представление о единой неразрывной истории Китая под руководством КПК, где прошлое, настоящее и будущее не отрицают друг друга, а находятся во взаимодействии и гармонии. Одновременно посредством исторической политики

1 Ibid., 22.

2 Войцехович 2018, 37.

происходит обращение к прошлому, настоящему и будущему как инструментам консолидации нации, артикуляция единого мемориального и символического пространства, создание всеобщего «языка памяти», объединяющего многонациональный народ КНР в единое целое, подобно иероглифической системе китайского языка, являющейся тем самым фундаментом, скрепляющим разрозненные диалекты в гомогенное пространство «печатного социализма»¹.

Подобно китайскому языку, в котором нет грамматической категории времени, однозначно выраженных прошедшего, настоящего и будущего, концепция исторической политики Си Цзиньпина не направлена только в прошлое. Несомненно, прошлое КНР, в котором нет места историческому нигилизму, негативной переоценке политики Мао и отрицательному отношению к эпохе «реформ и открытости» Дэна, представляет собой единое целое, установленное явственными причинно-следственными связями между поколениями руководителей. Не принято критиковать политику предыдущего лидера нации с высот настоящего. С объявления Си Цзиньпином столетних задач построения общества средней зажиточности (сяокан) в богатом и могущественном, демократическом и цивилизованном, гармоничном и современном социалистическом государстве исторический нарратив устремленности в будущее приобретает новое значение. Подчеркивается достижение не только временного рубежа, но и последовательного строительства пространства, в котором будут жить нынешнее и грядущие поколения китайских граждан.

1 Хубриков 2020, 68.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М: Новое литературное обозрение, 2014. – 324 с.

Assman, Aleida. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014 [In Russian].

Ассман, А. Забвение истории – одержимость историей. – М: Новое литературное обозрение, 2019. – 552 с.

Assman, Aleida. *Zabvenie istorii – oderzhimost istoriei*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019 [In Russian].

Войцехович, А.А. Сяокан-социализм с китайским лицом // Международный научно-исследовательский журнал. – 2018. – № 1 (67). – С. 36–40. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.029>

Wojciechowicz, A.A. "Xiaokang – Socialism with Chinese Face." *International research journal* 67, no. 1 (2018): 36–40 [In Russian].

Истории из уст Си Цзиньпина. Пер. с кит. А.В. Семенова, Т.Г. Семеновой. Сост.: Отдел комментариев и рецензий газеты «Жэньминь жибао». – М: Международная издательская компания «Шанс», 2019. – 399 с.

Istorii iz ust Si ZinPina. Moscow: Mezhdunarodnaya izdatelskaya kompaniya "Shans," 2019 [In Russian].

Ключевые слова Си Цзиньпина. Пер. с кит. А.В. Семенова, Т.Г. Семеновой; науч. ред. Ван Бинь. Сост.: «Учебная группа» зарубежного издания «Жэньминь жибао». – М: Международная издательская компания «Шанс», 2021. – 351 с.

Klyuchevie slova Si ZinPina. Moscow: Mezhdunarodnaya izdatelskaya kompaniya "Shans," 2021 [In Russian].

Ломанов, А.В., Борох, О.Н. Китай: возвращение небесного повеления // Pro et Contra. – 2009. – Т. 13. – № 3–4. – С. 65–88.

Lomanov, Alexander V., Borokh, Olga N. "Kitai: vozvrashchenie Nebesnogo poveleniya." *Pro et Contra*, no. 3–4 (2009): 65–88 [In Russian].

Малинова, О.Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политэкс. – 2012. – Т. 8. – № 4. – С. 179–204.

Malinova, Olga Yu. "Politicheskoe ispolzovanie proshlogo kak instrument simvolicheskoi politiki: evolyuziya diskursa vlastvuyushei elity v postsovetsskoi Rosii." *Politeks*, no. 4 (2018): 179–204 [In Russian].

Миллер, А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке. – М: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 7–32.

Miller, Aleksey I. "Istoricheskaja politika v Vostochnoj Evrope nachala XXI." In *Istoricheskaya politika v XXI veke*, 7–32. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012 [In Russian].

Ренан, Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений: в 12 т. / перев. с фр. под ред. В.Н. Михайловского. – Т. 6. – Киев, 1902. – С. 87–103.

Renan, Ernest. "Chto takoe naziya?" In *Sobranie sochinenii*: v 12 v, 87–103. Kiev, 1902 [In Russian].

Рикер, П. Память, история, забвение. – М: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.

Ricœur, Paul. *Pamyat, istoriya, zabvenie*. Moscow: Izdatelstvo humanitarnoi literatury, 2004 [In Russian].

Румянцев, Е.Н. Си Цзиньпин и новое поколение руководителей Коммунистической партии Китая // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10. – № 5. – С. 47–64. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-5-47-64>

Rumyantsev, E.N. "Xi Jinping and the New Generation of the Leaders of Chinese Communist Party." *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 5 (2017): 47–64 [In Russian].

Хубриков, Б.О. Историческая политика в эпоху Си Цзиньпина // Новое прошлое / The New Past. – 2020. – № 1. – С. 66–83. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2020-1-66-83>.

Khubrikov, Badma O. "Historical Politics in the Era of Xi Jinping." *The New Past* no. 1 (2020): 66–83 [In Russian].

Bin Xu. *Chairman Mao's Children: Generation and the Politics of Memory in China*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.

Denton, Kirk. A. *Exhibiting the Past: Historical Memory and the Politics of Museums in Postsocialist China*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2014.

Matten, Marc Andre. *Places of Memory in Modern China: History, Politics and Identity*. Leiden: Brill, 2012.

Schell, Orville. "China's Cover-Up. When Communists Rewrite History." *Foreign Affairs* 97, no. 1 (2018): 22–27.

Wolfrum, Edgar. *Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland: Der Weg zur bundesrepublikanischen Erinnerung 1948–1990*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1999.

Wolfrum, Edgar. *Historical Politics in the Federal Republic of Germany: The Way to Federal Republican Memory 1948–1990*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1999 [In German].

Zhou Haiyan. *The Politics of Memory*. Beijing: Zhongguo fa zhan chu ban she, 2013.

Zheng Wang. *Never Forget National Humiliation: Historical Memory in Chinese Politics and Foreign Relations*. New York: Columbia University Press, 2014.

Сведения об авторе

Бадма Олегович Хубриков,

аспирант Центра изучения политических трансформаций,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
Россия, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, 670000.

e-mail: khubrikovbadma@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 22 апреля 2022.

Переработана: 15 сентября 2022.

Принята к публикации: 19 сентября 2022.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Хубриков, Б.О. Историческая политика в современном Китае: конструируя прошлое, воображая будущее // *Международная аналитика*. – 2022. – Т. 13 (3). – С. 145–156.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-145-156>

Politics of History in China: Constructing the Past, Imaging the Future

ABSTRACT

The article discusses the dynamics and prospects for the development of the historical politics of the PRC at the present stage. The present study attempts to identify two key components of the PRC's historical politics that define the framework for remembrance in China. The reference points of the study are Chinese interpretations of what should be forgotten or reformatted, as well as the Chinese leadership's policy of imagining the future. The article is based on the "Resolution on the Major Achievements and Historical Experience of the Party over the Past Century" adopted by the 6th Plenum of the 19th CPC Central Committee, collections of Xi Jinping's public speeches. In theoretical terms, it relies on the studies of historical politics by A. Assman, A.I. Miller, E. Wolfrum, O.Yu. Malinova. The study demonstrated how the CCP becomes the only mnemonic actor writing its own history. In the first part of the article, forms of "forgetfulness" are considered, behind which there are very different methods, actions and strategies. The second part analyzes the narrative of building the future, expressed in the concepts of "Xiaokang (moderately prosperous society)" and "accelerated promotion of socialist modernization" circulating in Chinese documents as the goal of "two centuries". In the course of the study, we found that it is in the interests of the CCP, led by Xi Jinping, to present the history of the PRC teleologically, in which the events of the past anticipate the victorious march of the CCP in the history of China. It is for this reason that the main instruments of the historical policy of the PRC are various techniques of oblivion: rewriting, erasing, silence. However, in parallel with the historical policy aimed at the past, the Chinese leadership is also working on images of an imaginary future. Thus, the main goal of China's historical policy at the present stage is the construction of a single, monolithic, homogeneous story about the past, present and future of the PRC, in which there is no place for discrepancies, criticism and historical nihilism.

KEYWORDS

CPC, Xi Jinping, politics of history, politics of future, oblivion, Xiaokang

Author

Badma O. Khubrikov,

Postgraduate student, Centre of Political Transformation, Buryat State University,
 24a Smolin st., Ulan-Ude, 670000.

e-mail: khubrikovbadma@gmail.com

Additional information

Received: April 15, 2022. Revised: September 15, 2022. Accepted: September 19, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Khubrikov, Badma O. "Politics of History in China: Constructing the Past, Imaging the Future."
Journal of International Analytics 13, no. 3 (2022): 145–156.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-145-156>